

УДК 343.57

DOI: 10.18384/2310-6794-2018-4-173-182

ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИИ И ГЕРМАНИИ: РОЛЬ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ

Зигмунт Ольга Александровна

Университет Фехта, Германия

Driverstraße 22, 49377 Vechta, Deutschland

Аннотация. Целью работы является рассмотрение проблемы преступности несовершеннолетних на примере современных России и Германии. Важными задачами исследования стали: изучение юридических проблем, связанных с развитием законодательства России и Германии, регулирующего преступность лиц, не достигших 18 лет, национальных особенностей преступности несовершеннолетних и факторов, влияющих на неё в международном сравнении. Автором использованы методы анализа, синтеза, юридической компаративистики, исторический и логический методы. Статья имеет научную новизну, в ней представлены результаты репрезентативного исследования латентной преступности несовершеннолетних в России, Восточной и Западной Германии. Автором сделаны выводы, что уровень родительского контроля выше в Германии, чем в России. Уровень социального контроля семьи у несовершеннолетних, не совершивших преступления (или совершивших одно или максимум два различных преступления за последние 12 месяцев), выше, чем у тех, которые совершили три различных преступления и больше. При этом верзательные подростки во всех трёх странах не различаются в уровне родительского контроля. Российские подростки менее, чем немецкие, связаны эмоционально со своими родителями. При этом тот факт, что связь с родителями сильнее у неверзательных подростков, относится в равной степени к несовершеннолетним во всех странах.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних, социальный контроль, семейная социализация, Россия, Германия.

JUVENILE DELINQUENCY IN RUSSIA AND GERMANY: THE ROLE OF THE FAMILY

O. Siegmunt

University of Vechta, Germany

Driverstraße 22, 49377 Vechta, Germany

Abstract. The purpose of the article is to examine the problem of juvenile delinquency by taking as an example modern Russia and Germany. The research tasks are: to study legal problems related to the development of Russian and German legislations regulating criminality of the under-age, the national characteristics of juvenile delinquency and factors affecting it internationally. The author uses the methods of analysis, synthesis, legal comparative studies, historical and

logical methods. The article has a scientific novelty: it presents the results of a representative study of latent juvenile delinquency in Russia, East and West Germany. The author has concluded that parental control is higher in Germany than in Russia. The level of parental control of minors who have not committed crimes (or committed one or at most two different crimes in 12 months) is higher than those who have committed three and more different crimes. At the same time sassy teenagers in all three countries do not differ as far as parental control is concerned. However Russian teenagers are less emotionally attached to their parents than the Germans. The fact that communication with parents is stronger among non-sassy teenagers is just for all countries.

Key words: juvenile delinquency, social control, family socialisation, Russia, Germany.

Данные и метод

Данные для сравнительного анализа преступности несовершеннолетних, представляемого в данной статье, были получены в результате проведения репрезентативных опросов учеников 9-х классов в городах России и Германии. Данные этого исследования были собраны в конце 2017 – начале 2018 гг. в Красноярске ($n = 1\,547$), Санкт-Петербурге ($n = 1\,712$), Волгограде ($n = 1\,602$) и шести немецких городах: Гамбурге ($n = 1\,948$), Кёльне ($n = 746$), Мёнхенгладбахе ($n = 605$), Лейпциге ($n = 719$), Магдебурге ($n = 390$) и Ростокке ($n = 392$) [9; 15]¹.

Выборки всех городов были стратифицированы по типу школы (первая группа: гимназии и лицеи в России и гимназии в Германии; вторая группа: среднеобразовательные школы в России и остальные типы школ, кроме гимназий, в Германии). Дополнительно выборки определялись репрезента-

¹ Опросы были организованы Институтом уголовного-правовых наук университета г. Гамбурга при финансовой поддержке Немецкого Исследовательского Общества (DFG, номер проекта: #WE 3833/1-1). В реализации проекта была оказана поддержка партнёрами на местах: Юридическим институтом Сибирского федерального университета в Красноярске, Социологическим институтом РАН в Санкт-Петербурге и Государственным педагогическим университетом в Волгограде.

тивно для отдельных районов городов. Возраст опрашиваемых варьировался от 14 до 18 лет.

Несовершеннолетним задавались вопросы об их преступном поведении [1–17]². Из тринадцати опрашиваемых видов преступлений было сначала сформировано пять групп³: (1) повреждение имущества (повреждение чужого имущества⁴, рисование граффити⁵), (2) кражи (кража из магазина⁶, кража (у лица)⁷, квартирная кража со

² Некоторые результаты и концепции исследования преступности несовершеннолетних в России и Германии уже описывались.

³ Формулировки видов преступлений, используемые в анкетах, не соответствуют в обязательном порядке составам соответствующих преступлений, зафиксированным в Уголовных кодексах. В международных проектах абсолютная идентичность анкетных формулировок с уголовным законодательством не возможна уже по той причине, что в разных странах составы сравниваемых преступлений не всегда одинаковы.

⁴ Ты уже хотя бы раз повредил(а) намеренно окна, телефонные будки, уличные фонари или подобные вещи?

⁵ Ты уже хотя бы раз в запрещённом месте зарисовал(а) стены дома, заборы (рисовал(а) граффити)?

⁶ Ты уже хотя бы раз украл(а) что-нибудь из магазина?

⁷ Ты уже хотя бы раз тайно украл(а) у кого-нибудь деньги, сумку или что-то другое?

взломом¹, кража из автомобиля², кража автомобиля³), (3) не экономически мотивированные насильственные преступления (нанесение телесных повреждений с применением оружия⁴, нанесение телесных повреждений без применения оружия⁵, угроза применения оружия⁶), (4) экономически мотивированные насильственные преступления (разбой⁷, вымогательство⁸) и (5) насильственные преступления по дискриминирующим мотивам⁹.

По каждому вопросу предлагалось два вида формулировок: первая «Ты уже хотя бы раз...» и вторая «Если да, то как часто за последние 12 месяцев». При помощи первой формулировки опрашивалась преступность в течение жизни, при помощи второй, соответственно, за последние 12 месяцев. В данной статье использовались только данные о криминальной активности

¹ Ты уже хотя бы раз проникал(а) со взломом в помещение (н-р, строительный вагончик, дачу, подвал и др.) для того, чтобы что-то украсть?

² Ты уже хотя бы раз проникал(а) со взломом в автомобиль, чтобы что-то из него украсть (или участвовал(а) в этом)?

³ Ты уже хотя бы раз украл(а) велосипед, мопед или иное движущее средство?

⁴ Ты уже хотя бы раз при помощи оружия (нож, кастет и т. д.) нанес(ла) кому-нибудь травмы?

⁵ Ты уже хотя бы раз избил(а) и при этом травмировал(а) другого человека?

⁶ Ты уже хотя бы раз угрожал(а) другому человеку оружием?

⁷ Ты уже хотя бы раз один (одна) или вместе с другими отобрал(а) какую-либо вещь у кого-нибудь при помощи насилия?

⁸ Ты уже хотя бы раз один (одна) или вместе с другими вынудил(а) кого-то «платить» за то, что он (она) не будет избит(а)?

⁹ Ты уже хотя бы раз кого-то избил(а) или нанесл(а) травмы из-за его (её) религиозных убеждений, языка, происхождения или внешнего вида?

подростков за последние 12 месяцев. Для этого была сформирована переменная «распространённость преступности» (prevalence) с двумя значениями: 0 – лицо не совершило за последние 12 месяцев ни одного преступления; 1 – лицо совершило за последние 12 месяцев хотя-бы одно преступление.

Кроме этого, для дальнейшего анализа данных была сформирована переменная «верзательность» (versatility) – (преступное) разнообразие. Несовершеннолетние, не совершившие за последние 12 месяцев ни одного из описанных выше преступлений либо совершившие 1 или 2 преступления из этого перечня, признавались неверзательными, а несовершеннолетние, совершившие 3 различных преступления и больше – верзательными.

В качестве факторов, влияющих на преступность несовершеннолетних, исследовались социальный контроль со стороны родителей и эмоциональная связь детей и родителей. Родительский социальный контроль измерялся при помощи вопроса «Насколько хорошо твои родители знают, чем ты занимаешься в свободное время и твоих друзей?». Родительский контроль состоял из двух факторов: интереса и конкретных знаний о том, чем занимается ребёнок. Фактор «интерес» исследовался при помощи следующих трёх высказываний: (1) Мои родители очень интересуются тем, что я делаю в свободное время; (2) Я думаю, что моим родителям полностью безразлично, что я делаю в свободное время; (3) Мои родители часто спрашивают о том, с какими друзьями и знакомыми я встречаюсь. Фактор «конкретные знания» исследовался при помощи вопросов: (1) Мои родители знают всех моих

друзей; (2) Мои родители знают родителей моих друзей; (3) Мои родители знают почти всегда, где я провожу своё свободное время. Для выбора ответа по каждому из высказываний использовалась четырёхзначная шкала со значениями: «совсем неверно», «скорее неверно», «скорее верно» и «совершенно верно». Для отдельных ответов по каждому фактору в отдельности и по обоим факторам родительского контроля вместе высчитывалось среднее значение для каждого опрошенного. В анализе данных использовались средние значения по странам, которые опубликованы в исследованиях российских учёных, в том числе Е.А. Певцовой, Н.Я. Соколова, В.И. Чупрова и др. [8; 9].

Наряду с родительским контролем важным фактором в объяснении преступности несовершеннолетних является эмоциональная связь детей и родителей [2; 4; 6; 7; 8]. В данном исследовании школьникам задавались по два вопроса в отношении матери¹ и отца². В отношении обоих родителей вместе и в отдельности высчитывались средние значения.

¹ (1) Насколько хорошо ты обычно ладишь с твоей матерью (или мачехой)? (Варианты ответов: «очень хорошо», «достаточно хорошо», «не очень хорошо», «совсем плохо»); (2) Насколько тебе важно, что думают о тебе твои **родители?** (мать) (Варианты ответов: «совсем неважно», «неважно», «скорее неважно», «скорее важно», «важно», «очень важно»).

² (1) Насколько хорошо ты обычно ладишь с твоим отцом (или отчимом)? (Варианты ответов: «очень хорошо», «достаточно хорошо», «не очень хорошо», «совсем плохо»); (2) Насколько тебе важно, что думают о тебе твои **родители?** (отец) (Варианты ответов: «совсем неважно», «неважно», «скорее неважно», «скорее важно», «важно», «очень важно»).

Результаты: преступность несовершеннолетних

Как и в предыдущих исследованиях [например, 1–6; 10; 14], здесь у российских и немецких подростков преобладают преступления небольшой тяжести. Наиболее часто встречаются: повреждение чужого имущества, кража из магазина и нанесение телесных повреждений без оружия. Наименее распространены среди несовершеннолетних кражи из автомобиля, нанесение телесных повреждений с применением оружия, разбойные нападения, вымогательства и насильственные преступления по дискриминирующим мотивам.

Тем не менее имеются статистически значимые различия в структуре преступности несовершеннолетними в разных странах (рис. 1). Распространённость преступности в целом (с учётом всех 13 видов преступлений) находилась в России на уровне 30,1%, что значимо ниже, чем в Западной и Восточной Германии (соответственно 37,2 % и 36,2 %) ³. При этом больше несовершеннолетних в России, чем в Германии, разрисовывают стены ⁴ и повреждают общественную собственность ⁵. По всем остальным видам преступлений российские несовершеннолетние не отличаются от своих соотечественников в Германии, либо их криминальная активность ниже.

Исследуемые страны различаются в преступном разнообразии подростков (рис. 2). Верзательность несовершеннолетних в России ниже всего и составляет 5,0%, в Восточной Германии значимо выше (8,1%), а в Западной Германии самая высокая

³ $ChiI = 48.62, df = 2, p < .001$

⁴ $ChiI = 152.14, df = 2, p < .001$

⁵ $ChiI = 132.42, df = 2, p < .001$

(10,2%)¹. Девочки во всех трёх странах менее верзательны, чем мальчики. Между собой верзательность девочек различается лишь на низком статистическом уровне². Уровень верзательности девочек: в России 3,5%, в Восточной Германии 4,1%, в

¹ $ChiI = 78.18, df = 2, p < .001$

² $ChiI = 5.45, df = 2, p = .066$

Западной Германии 5,0%. Мальчики же в разных странах различаются значительно в их верзательности³. Наиболее верзательны мальчики в Западной Германии (15,5%), за ними следуют мальчики в Восточной Германии (12,0%) и России (6,7%).

³ $ChiI = 75.45, df = 2, p < .001$

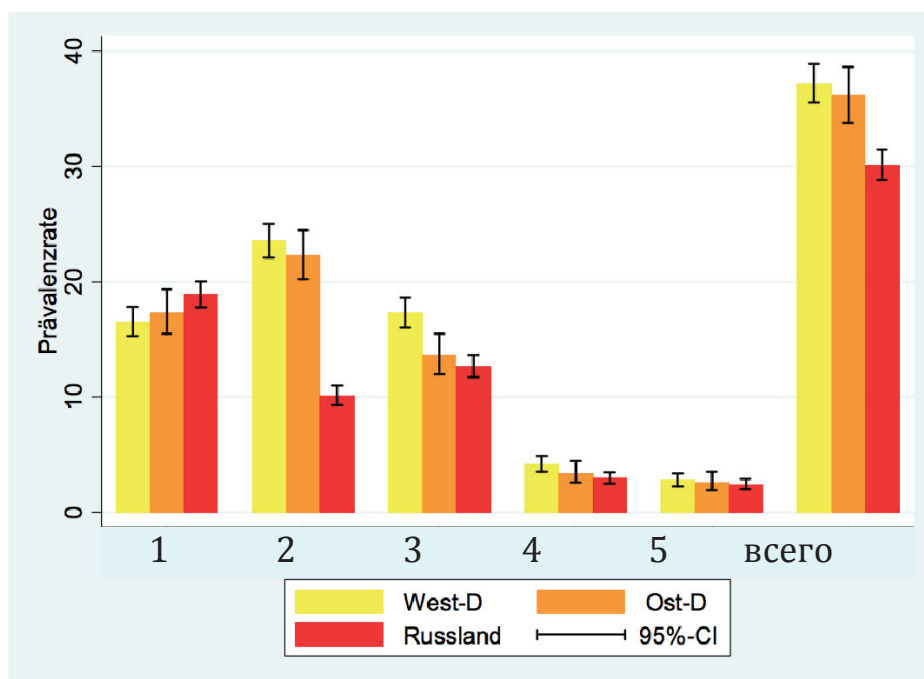

Рис. 1. Преступность за последние 12 месяцев (в %) для пяти групп и всех преступлений вместе в Западной Германии (West-D), Восточной Германии (Ost-D) и России (Russland)

Различия в верзательности по типу школы присутствуют лишь Западной⁴ и Восточной⁵ Германии. Немецкие гимназисты (ЗГ: 7,9%; ВГ: 5,2%) менее верзательны, чем школьники всех других видов школ (ЗГ: 12,2%; ВГ: 11,2%). В России уровень верзательности школьников в гимназиях и лицеях на-

ходится на уровне 4,2%, в среднеобразовательных школах – 5,3%.

⁴ $ChiI = 16.52, df = 1, p < .001$

⁵ $ChiI = 17.94, df = 1, p < .001$

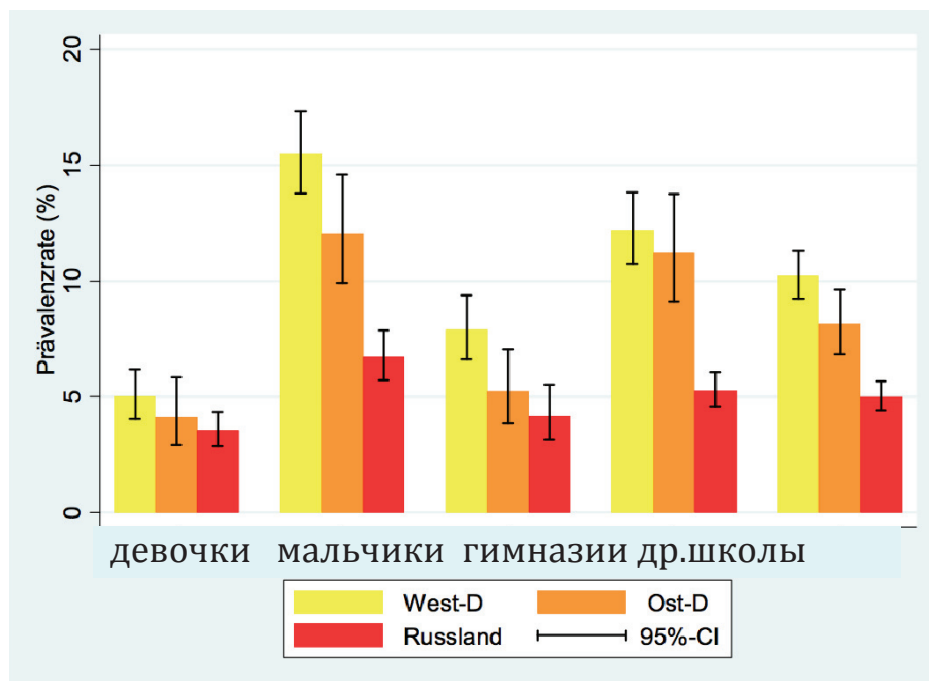

Рис. 2. Преступность за последние 12 месяцев (в %) для верзатильности по странам, полу и типу школы

Результаты: преступность несовершеннолетних и родительский контроль

Независимо от страны, по мнению подростков, их родители более интенсивно интересуются, чем их дети занимаются в свободное время, чем фактически знают об этом. Оба фактора родительского контроля выше в Западной Германии и не различаются между собой в Восточной Германии и России. Так, интерес у родителей в Западной Германии имеет среднее арифметическое значение 76,39 (по шкале от 0 до 100), в Восточной Германии – 72,75, а в России – 72,57. Уровень конкретных знаний о проведении свободного времени своих детей имеет в Западной Германии среднее арифме-

тическое значение 57,29, в Восточной Германии – 52,32 и в России – 52,81.

Исследования показали наличие взаимосвязи между родительским контролем и преступностью несовершеннолетних во всех трёх странах: родительский контроль выше в группе неверзатильных подростков и ниже в группе верзатильных, совершивших за последние 12 месяцев три и более различных преступления.

Поскольку родительский контроль в целом выше в Западной Германии, это отражается очевидно прежде всего на поведении неверзатильных подростков. Так, уровень родительского контроля неверзатильных несовершеннолетних в Западной Германии имеет среднее арифметическое значение 68,26 (по шкале от 0 до 100), в Восточной Германии этот уровень зна-

чимо ниже – 63,36, а в России – 63,45. Родительский контроль в группе верзатильных подростков на различается по странам и находится в Западной Германии на уровне 55,89, в Восточной Германии – 53,62, а в России – 52,77.

Результаты: преступность несовершеннолетних и эмоциональная связь с родителями

Во всех исследуемых странах эмоциональная связь подростков с матерью выше, чем с отцом. В Западной Германии связь с отцом имеет среднее арифметическое значение 77,98 (по шкале от 0 до 100), с матерью – 83,77; в Восточной Германии соответственно 74,28 и 83,48, а в России 72,07 и 81,48.

Наблюдается взаимосвязь эмоциональной связи с родителями и преступного поведения во всех трёх странах. Так, эмоциональная связь с родителями выше у несовершеннолетних из группы неверзатильных и ниже у верзатильных подростков, совершивших три и более различных преступлений за последние 12 месяцев.

Уровень эмоциональной связи верзатильных подростков с обоими родителями в Западной и Восточной Германии одинаков и составляет в среднем соответственно 73,50 (по шкале от 0 до 100) и 73,60; в России значимо ниже – 66,64. Неверзатильные несовершеннолетние во всех трёх странах различаются значимо в их эмоциональной связи с обоими родителями, которая находится в Западной Германии на уровне 81,59, в Восточной Германии – 79,07 и в России – 77,07.

Основные выводы

Преступность несовершеннолетних в России в целом ниже, чем в Германии. Анализ преступной активности несовершеннолетних по отдельным её видам за последние 12 месяцев на момент проведения исследования показал, что российские несовершеннолетние совершают больше повреждений чужого имущества в виде разрисовывания стен и заборов и поломки предметов общественного пользования, как, например, окон, телефонных будок или уличных фонарей. По всем остальным видам преступлений российские подростки либо не отличаются от своих немецких сверстников, либо менее криминально активны. Данное исследование показало так же, что и уровень верзатильности российских подростков ниже, чем в Германии. Верзатильность является индикатором преступного разнообразия и показывает готовность подростков совершать различные виды преступлений. Очевидно, что российские несовершеннолетние более немецких сверстников специализируются на определённых преступлениях.

В целом уровень родительского контроля выше в Германии, чем в России. Уровень социального контроля семьи у несовершеннолетних, не совершивших преступления (или совершивших одно или максимум два различных преступления за последние 12 месяцев), выше, чем у тех, которые совершили три различных преступления и больше. При этом верзатильные подростки во всех трёх странах не различаются в уровне родительского контроля. Российские подростки менее, чем немецкие, связаны эмоционально

со своими родителями. При этом тот факт, что связь с родителями сильнее у неверзатильных подростков, относится в равной степени к несовершеннолетним во всех странах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зигмунт О.А. Возможности международного сравнения уголовной статистики // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 1 (27). С. 116–123.
2. Зигмунт О.А. Изучить и понять: О преступности несовершеннолетних в России и Германии [Электронный ресурс] // Новая университетская жизнь. [2010]. URL: http://gazeta.sfu-kras.ru/files/gazeta/U_Life064%282%29.pdf (дата обращения: 21.02.2018).
3. Зигмунт О.А. Преступники и потерпевшие от насильственных преступлений: исследование насильственной преступности несовершеннолетних // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 1 (23). С. 106–116.
4. Зигмунт О.А. Миграция, интеграция и преступность: мировой исследовательский опыт // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1 (45). С. 133–137.
5. Зигмунт О.А., Ветцелс П. Институциональная теория аномии – эмпирическая проверка // Социологические исследования. 2015. № 4 (42). С. 78–87.
6. Зигмунт О.А., Эндцманн Д. Различия и особенности преступности несовершеннолетних в России и Германии: их значимость для теории аномии // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2006. № 1. С. 97–109.
7. Кириченко В. Опрос по гамбургскому счёту: интервью с криминологом Ольгой Зигмунт [Электронный ресурс] // Новая университетская жизнь. [2009]. URL: http://gazeta.sfu-kras.ru/files/gazeta/U_Life043%282%29.pdf (дата обращения: 21.02.2018).
8. Певцова Е.А. Воздействие современной социальной среды на правовое сознание школьной молодежи (теоретико-правовые аспекты) // Государство и право. 2006. № 12. С. 109–115.
9. Певцова Е.А. Правовое воспитание: вопросы теории и практики. М.: Международный юридический институт, 2013. 296 с.
10. Enzmann D., Kammigan I., Siegmunt O., Wetzels P. Was scheren mich die anderen? Markt-moral als kriminogener Faktor: Eine Studie zu Jugendkriminalität in Russland und Deutschland. Berlin: Wissenschaftlicher Verlag Berlin, 2016.
11. Siegmunt O. Selbstkontrolle: Einflüsse von Familie, Schule und Nachbarschaften. Eine kontrolltheoretische Studie in drei russischen Großstädten. Berlin: Wissenschaftlicher Verlag Berlin, 2012.
12. Siegmunt O. Mit Vorsicht zu genießen! Zur Aussagekraft von Kriminalstatistiken und zum Anzeigeverhalten Jugendlicher in Deutschland und Russland // Monatsschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform. 2013. No. 96 (6). P. 461–476.
13. Siegmunt O. Kriminelle Russen, kriminelle Deutsche: Zur Jugendkriminalität im Hell- und Dunkelfeld. Berlin: Wissenschaftlicher Verlag Berlin, 2013.
14. Siegmunt O. Eine Gleichung mit mehreren Unbekannten oder was erklärt die Landesunterschiede in der Jugendgewalt? Eine Analyse mit deutschen und russischen Daten // Neue Kriminalpolitik. 2016. No. 28 (4). P. 408–425.
15. Siegmunt O. Neighborhood Disorganization and Social Control: Case Studies from Three Russian Cities.: Springer, 2016.
16. Siegmunt O., Wetzels P., Enzmann D. Familie, Nachbarschaften, Selbstkontrolle und Jugenddelinquenz in Russland. Ergebnisse der Schülerbefragungen in Krasnojarsk, St. Petersburg und Wolgograd im Rahmen des DFG-Projektes “Jugendkriminalität in Deutschland und Russland: Kulturvergleichende Dunkelfeldstudie zur Prüfung anomie- und kontrolltheoretischer Ansätze“. Hamburg: Universität Hamburg, 2010.

17. Siegmunt O., Wetzels P., Enzmann D. Methodische Vorgehensweise, das Erhebungsinstrument und die Durchführung der Schülerbefragung 2008–2009 in drei russischen Städten. Bericht über die Feldphase in Krasnojarsk, St. Petersburg und Wolgograd im Rahmen des DFG-Projektes “Jugendkriminalität in Deutschland und Russland: Kulturvergleichende Dunkelfeldstudie zur Prüfung anomie- und kontrolltheoretischer Ansätze“. Hamburg: Universität Hamburg.

REFERENCES

1. Siegmunt O.A. [The possibilities of international comparison of crime statistics]. In: *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika* [Legal Science and Law Enforcement Practice], 2014, no. 1 (27), pp. 116–123.
2. Siegmunt O.A. [To learn and understand About juvenile delinquency in Russia and Germany]. In: *Novaya universitetskaya zhizn'* [New University Life], 2010, 18 Feb. Available at: http://gazeta.sfu-kras.ru/files/gazeta/U_Life064%282%29.pdf (accessed: 21.02.2013).
3. Siegmunt O.A. [Criminals and victims of violent crimes: a study of violent juvenile crime]. In: *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika* [Legal Science and Law Enforcement Practice], 2013, no. 1 (23), pp. 106–116.
4. Siegmunt O.A. [Migration, integration and crime: world research experience]. In: *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii* [Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2018, no. 1 (45), pp. 133–137.
5. Siegmunt O.A., Vetsels P. [Institutional anomie theory – empirical test]. In: *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2015, no. 4 (42), pp. 78–87.
6. Siegmunt O.A., Entsmann D. [Differences and peculiarities of juvenile delinquency in Russia and Germany: their significance for the theory of anomie]. In: *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra* [Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow], 2006, no. 1, pp. 97–109.
7. Kirichenko V. [A survey of Shakespeare: an interview with criminologist Olga Zygmunt]. In: *Novaya universitetskaya zhizn'* [New University Life], 2009, 12 Febr. Available at: http://gazeta.sfu-kras.ru/files/gazeta/U_Life043%282%29.pdf (accessed: 21.02.2013).
8. Pevtsova E.A. [The impact of contemporary social environment on the legal consciousness of young people in school (theoretical-legal aspects)]. In: *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2006, no. 12, pp. 109–115.
9. Pevtsova E.A. *Pravovoe vospitanie: voprosy teorii i praktiki* [Legal Education: Theory and Practice]. Moscow, International Law Institute Publ., 2013. 296 p.
10. Enzmann D., Kammigan I., Siegmunt O., Wetzels P. Was scheren mich die anderen? Markt-moral als kriminogener Faktor: Eine Studie zu Jugendkriminalität in Russland und Deutschland. Wissenschaftlicher Verlag Berlin: Berlin, 2016.
11. Siegmunt O. Selbstkontrolle: Einflüsse von Familie, Schule und Nachbarschaften. Eine kontrolltheoretische Studie in drei russischen Großstädten. Wissenschaftlicher Verlag Berlin: Berlin, 2012.
12. Siegmunt O. Mit Vorsicht zu genießen! Zur Aussagekraft von Kriminalstatistiken und zum Anzeigeverhalten Jugendlicher in Deutschland und Russland. In: *Monatsschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform*. 2013, no. 96 (6), pp. 461–476.
13. Siegmunt O. Kriminelle Russen, kriminelle Deutsche: Zur Jugendkriminalität im Hell- und Dunkelfeld. Wissenschaftlicher Verlag Berlin: Berlin, 2013.
14. Siegmunt O. Eine Gleichung mit mehreren Unbekannten oder was erklärt die Landesunterschiede in der Jugendgewalt? Eine Analyse mit deutschen und russischen Daten. In: *Neue Kriminalpolitik*, 2016, no. 28 (4), pp. 408–425.

15. Siegmunt O. *Neighborhood Disorganization and Social Control: Case Studies from Three Russian Cities*. Springer Briefs in Criminology: Springer, 2016.
 16. Siegmunt O., Wetzels P. und Enzmann D. *Familie, Nachbarschaften, Selbstkontrolle und Jugenddelinquenz in Russland. Ergebnisse der Schülerbefragungen in Krasnojarsk, St. Petersburg und Wolgograd im Rahmen des DFG-Projektes "Jugendkriminalität in Deutschland und Russland: Kulturvergleichende Dunkelfeldstudie zur Prüfung anomie- und kontrolltheoretischer Ansätze"*. Hamburg: Universität Hamburg, 2010.
 17. Siegmunt O., Wetzels P. und Enzmann D. *Methodische Vorgehensweise, das Erhebungsinstrument und die Durchführung der Schülerbefragung 2008–2009 in drei russischen Städten. Bericht über die Feldphase in Krasnojarsk, St. Petersburg und Wolgograd im Rahmen des DFG-Projektes "Jugendkriminalität in Deutschland und Russland: Kulturvergleichende Dunkelfeldstudie zur Prüfung anomie- und kontrolltheoretischer Ansätze"*. Hamburg: Universität Hamburg.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зигмунт Ольга Александровна – кандидат юридических наук, доцент, доцент факультета образовательных и общественных наук Университета Фехта, Германия; e-mail: olga.siegmunt@uni-hamburg.de

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga A. Siegmunt – PhD in Law, associate professor, associate professor at the Department of Educational and Social Sciences, University of Vechta, Germany; e-mail: olga.siegmunt@uni-hamburg.de

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Зигмунт О. А. Преступность несовершеннолетних в России и Германии: роль современной семьи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 4. С. 173–182.

DOI: [10.18384/2310-6794-2018-4-173-182](https://doi.org/10.18384/2310-6794-2018-4-173-182)

FOR CITATION

Siegmunt O. *Juvenile Delinquency In Russia And Germany: The Role Of The Family In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2018, no. 4, pp. 173–182.

DOI: [10.18384/2310-6794-2018-4-173-182](https://doi.org/10.18384/2310-6794-2018-4-173-182)